

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

26 ЗАПИСОК
СТАЛКЕРА

Сергей Патрушев

26 записок сталкера

Серия «S.T.A.L.K.E.R.», книга 2

<https://litres.ru/73464897>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот сборник историй — исповедь сталкера, прошедшего через смерть, воскрешение и обретение вечности.

Главный герой, чей голос звучит на каждой странице, рассказывает о Зоне не как о месте ужаса и опасности, а как о живом, дышащем мире, где переплелись судьбы людей, мутантов и древних существ.

Здесь есть место всему — философским размышлениям о природе реальности, тонкому юмору сталкерских будней, леденящим душу встречам с потусторонним и трогательным историям любви, которая оказывается сильнее смерти.

Читатель пройдёт вместе с рассказчиком по залитым утренней росой лугам и тёмным еловым лесам, заглянет в грот, где время остановилось, встретит говорящих мутантов и богов из параллельных миров, станет свидетелем невероятных путешествий во времени и найдёт ответ на главный вопрос: что делает человека человеком даже в самом страшном аду.

Сергей Патрушев

26 записок сталкера

1 записка

Я сижу здесь уже который час, привалившись спиной к проржавевшей цистерне, и смотрю, как день медленно уползает за горизонт. Ржавчина на ней теплая, нагретая за день солнцем, и даже сквозь куртку чувствуется это скупое тепло, последнее, что дарит уходящее светило. Ветер стих. Та тишина, что наступает перед самым закатом, всегда кажется мне неестественной, ватной. Она давит на уши, и только где-то далеко, со стороны свалки, доносится перестук – то ли гайки падают с конвейера времени, то ли души неприкаянные костями перебирают.

Я затягиваюсь поглубже, чтобы дым заполнил всё нутро, и выпускаю его медленно, вверх. Он нехотя, лениво тянется к багровому небу, и в этом багрянце мне чудится что-то знакомое, что-то из той жизни, когда небо было просто небом, а не разодранным в клочья куполом над нашей общей могилой. За последнюю неделю Зона будто взбесилась. Нет, не так. Она не взбесилась – она стала внимательнее. Раньше она просто убивала, случайно, походя, как равнодушный великан, наступающий на муравейник. А теперь... теперь она смотрит. И изучает.

Третьего дня мы ходили на Янтарь, к старому НИИ. Думали, проскочим по краю, может, в лабораториях подземных что завалюсь – хабар не помешает. Место там гиблое, вы знаете. Воздух кислый, першит в горле, даже сквозь респиратор чувствуется эта химическая гнильца. Туман там теперь не просто стоит, он живёт. Клубится, перетекает, будто кто-то невидимый ворочает его огромными руками. И звуки... в этом тумане слышался плач. Не ветра, не звериный вой – именно человеческий, надрывный плач младенца. Мы шли туда на звук, потому что знали: если слышишь ребёнка в Зоне, беги. Но ноги не слушались, сами несли. Идёшь, а внутри всё леденеет, и разум кричит: "Стой, дурак!", а шаг ускоряется. Хорошо, Беркут, бывалый сталкер, с нами был. Он как заорёт матом, да так, что вороны с разрушенной вышки сорвались, и плиткой нас, контрольной, по затылкам. Очухались уже на пригорке, все мокрые, холодные, и смотреть назад боялись. Туман так и остался там, внизу, только плач сменился на тихий, довольный смех.

А вчера, на закате, я видел небо над Мёртвым городом. Оно горело. Не от пожара – от выброса. Только выброс был странный, не такой, как всегда. Не волна, не жар и не боль, а свет. Чистый, пронзительный, голубовато-белый свет, который лился из центра Зоны, разрывая тучи в клочья. И в этом свете, на фоне черных, как сажа, туч, я ясно, до рези в гла-

зах, увидел тени. Миллионы теней, они поднимались вверх, переплетались, кружились в каком-то диком, беззвучном хороводе. И ни звука. Ни криков мутантов, ни воя псевдопсов, ни даже треска аномалий. Полная, абсолютная тишина, разорванная этим молчаливым светопреставлением. Я сидел в кустах полыни, вжавшись в землю, и чувствовал, как каждая клеточка тела вибрирует, отзываясь на этот свет. Мне казалось, ещё миг – и я сам распадусь на атомы, присоединюсь к этому хороводу.

И самое поганое – сталкеры пропадать начали. Не те, кто по одиночке шастает, те всегда пропадали. А целыми группами. Опытные ребята, обстрелянные, с «Калашами» и артефактами. На той неделе группа Лысого ушла на Кордон, вроде как новичков встретить. И не вернулись. Пошли по их следу – следы обрываются ровно посреди поля. Ни крови, ни гильз, ни следов волочения. Просто идут четыре пары ног, и – стоп. Дальше только выжженная трава кругами, будто здесь атомный гриб в миниатюре разродился. А в центре круга лежал артефакт, которого я раньше не видел. Похож на слезу, только чёрную, как смоль, и внутри неё звёзды мерцают. Никто брать не рискнул. Так и оставили эту красоту, эту смерть в хрустальной упаковке.

Вот и сейчас сижу. Спина уже затекла, окурок жжёт пальцы. За кордоном, вдалеке, залаяла собака. Обычная, домаш-

няя, не слепой пёс. Значит, там ещё есть жизнь, там ещё люди живут, топят печи и не смотрят по ночам в небо, боясь увидеть то, что вижу я. А я пойду. Скоро стемнеет совсем, и Зона начнёт свою настоящую, ночную охоту. Мне нужно до убежища дойти, пока аномалии не засветились своим мертвящим светом, пока твари не вышли на тропу. Идти через пустырь, мимо ржавых остовов машин, которые в темноте кажутся скелетами допотопных чудовищ. Ветер, кажется, снова начинается. Гонит перед собой пыль и шепчет что-то неразборчивое, зовущее. Но я не пойду на зов. Не сегодня. Сегодня я просто хочу закрыть глаза и не видеть всего этого. Хотя бы до утра. Хотя бы на пару часов.

2 записка

Утро встретило меня не привычной серой муťou, а густым, молочным туманом, который залил низины так плотно, что казалось, можно черпать его руками. Я ночевал в старом бункере за КПП, том самом, где своды низкие и постоянно капает с потолка – то ли вода, то ли что похуже. Проснулся от тишины. Не от звука, а от её отсутствия, если вы понимаете, о чём я. Даже капать перестало. Вылез наружу – и мир исчез. В двух шагах ничего не видно, только белая, ватная стена, в которой шевелятся смутные тени. Стою, слушаю, а сердце колотится где-то в горле. В такой туман Зона особенно опасна – аномалии не видно, пока в неё не шагнёшь, и твари подбираются неслышно.

Решил идти на слух, как учили. Дорогу к свалке помню наизусть, каждый камень, каждый поворот, но сейчас всё было чужим. Шаг – и под ногой хрустнуло стекло. Звук разнёсся так, будто я выстрелил. Замер, прислушиваюсь. В ответ – тишина, но какая-то напряжённая, будто весь мир затаил дыхание. Ещё шаг – и слышу дыхание. Сзади. Тяжёлое, хриплое, с присвистом. Я не обернулся. Нельзя оборачиваться, когда не знаешь, кто за спиной. Медленно, на негнущихся ногах, делаю шаг в сторону, к тому месту, где должен быть ржавый остов грузовика. Ещё шаг. Дыхание не отстаёт, приближается. Я чувствую запах – сладковатый, приторный, с гнильцой. Так пахнет только одна тварь в Зоне – плоть. Но они же днём спят, в норах, под землёй... хотя какой это день? В этом тумане и солнца не видать, может, для них сейчас самая ночь.

Рванул что было сил, вслепую, натываясь на какие-то ящики, кувываясь через трубы. Сзади захрипело громче, перешло в визг, и я услышал тяжёлый топот. Бежал, пока не упёрся руками в бетонную стену. Туман здесь редел, и я увидел, что стою у входа в старые мастерские. Дверь сорвана с петель, внутри чернота. Прислушался – погоня затихла, потеряла след в этой молочной каше. Или не потеряла, а ждёт, когда я сам выйду. Зашёл внутрь, сел на пол, пытаюсь отдышаться. В мастерских пахло машинным маслом, ржавчиной

и ещё чем-то знакомым, почти забытым – табаком. Не той дешёвой махоркой, что мы курим, а хорошим, сладким табаком из довоенных запасов. И тут я понял, что я здесь не один.

В углу, за верстаком, кто-то сидел. Я не видел, но чувствовал взгляд – тяжёлый, немигающий, сверлящий дыру в затылке. Рука сама потянулась к «Макарову», хотя чем он поможет против того, что может сидеть в темноте? Я решил заговорить первым. Спросил хрипло: «Свой?». Тишина. Потом шорох, и из-за верстака показалась рука. Человеческая, грязная, с намотанным на пальцы бинтом. Она сделала жест – подойди. Я не пошёл. Сказал: «Выходи, покажись». И тогда он вышел.

Сталкер. Средних лет, в потрёпанном комбинезоне, с «калашом» за спиной. Лицо бледное, глаза бешеные, зрачки расширены так, что радужки почти не видно. Он смотрел сквозь меня, мимо, и губы его шевелились, будто он с кем-то разговаривал. Я спросил, кто он, откуда. Он не ответил, только головой покачал и прошептал: «Они идут. Все идут. Слышишь?». И правда, сквозь туман снаружи донёсся звук. Множество ног, чавкающих по грязи. И тихий, нестройный гул голосов. Будто толпа идёт, огромная толпа людей, и бормочет что-то неразборчивое.

Я выглянул в проём двери. Туман шевелился, по нему шли волны, и в них, в самой глубине, я увидел силуэты. Много, очень много. Они двигались медленно, спотыкаясь, падая и поднимаясь, и все шли в одну сторону – вглубь Зоны, к центру. Там, над туманом, небо начало светлеть, но не от солнца – от того самого голубоватого свечения, что я видел вчера. Оно пульсировало, как сердце, и каждый толчок света отдавался глухой болью в висках.

Сталкер за моей спиной засмеялся. Тихо, безумно. «Зовут, – сказал он. – Всех зовут. Пора». И двинулся к выходу. Я схватил его за рукав, дёрнул назад. Он обернулся, и я увидел его лицо вблизи. Глаза закатились, остались только белки, а изо рта текла тонкая струйка крови. Он вырвался, легко, будто моих рук и не было, и вышел в туман. Я смотрел, как его силуэт растворяется в белой мгле, как он спотыкается, падает на колени, встаёт и идёт дальше, к тем, кто звал. И когда он совсем исчез, туман позади него на миг стал прозрачным, и я увидел их лица. Всех, кто шёл в том шествии. Я узнал Лысого и его группу. Узнал Беркута, что спас нас на Янтаре. Узнал ещё многих – тех, кто пропал за последние месяцы, и тех, кто ушёл в Зону много лет назад. Они шли, не видя ничего вокруг, с такими же пустыми глазами и кровавыми ниточками изо рта.

Сколько я просидел в той мастерской, не помню. Очнулся

от того, что туман начал рассеиваться. Солнце, настоящее, живое солнце пробилося сквозь серую пелену и ударило лучами в разбитые окна. Я выполз наружу, щурясь, как крот. Никого. Ни следов, ни звуков. Только на влажной земле, там, где прошла процессия, остались странные отметины – будто трава не примята, а выжжена аккуратными отпечатками ног.

Сейчас сижу на пригорке, греюсь на солнышке, курю и смотрю в сторону Монолита. Он там, за горизонтом, но я чувствую его присутствие, как чувствуют приближение грозы. Свечение исчезло, небо обычное, серо-голубое. Но мне не по себе. Зона готовит что-то большое. И зов, который я слышал сегодня – он был не для ушей. Он был для души. И самое страшное – часть меня хочет ответить. Часть меня хочет встать и пойти туда, в это белое марево, к ним, к тем, кто идёт. И только страх, липкий, животный страх, удерживает меня здесь, на этом пригорке, в этом жалком подобии жизни. Скоро стемнеет. И я не знаю, захочу ли завтра просыпаться.

3 записка

Ночь выдалась тяжёлой. Я всё-таки вернулся в бункер, заперся изнутри, заложил дверь ржавым швеллером и сидел в темноте, вслушиваясь в каждый шорох. Заснуть не мог – стоило закрыть глаза, как перед ними вставали лица тех, кто шёл в тумане. Их пустые глазницы, кровавые губы, беззвучно шепчущие что-то. Под утро забылся тяжёлым, беспокой-

ным сном без сновидений, а когда очнулся, часы показывали полдень. Солнце стояло высоко, и Зона казалась почти мирной – птицы перекликались где-то в стороне, ветер шелестел высокой травой, даже аномалии, казалось, притихли, спрятались до вечера.

Решил идти на Болота. Там сейчас тихо, никто не шастает, а на старых вышках можно найти припасы – сталкеры иногда оставляют тайники на самый крайний случай. Собрал рюкзак, проверил оружие, перекрестился на всякий случай хоть и неверующий, и двинул через ржавые рельсы, мимо перевёрнутых вагонов, поросших полынью. Путь неблизкий, но идти по открытой местности в такую погоду одно удовольствие – видно далеко, любая тварь за версту заметит, и ты заметишь.

Часа через два вышел к мосту. Тому самому, что ведёт к старым фермам. Мост разбит, посередине провал, но можно перебраться по балкам, если не боишься высоты и не забываешь смотреть под ноги. Я не боюсь, привык. Полез. Ржавчина сыплется под руками, пальцы скользят, где-то внизу вода блестит – мелко, не убьёшься, если сорвёшься, но ноги переломать можно запросто. Добрался до середины, сел передохнуть на уцелевшую ферму, свесил ноги в провал, закурил. И тут слышу – снизу, из-под моста, голоса.

Сначала думал – показалось. В Зоне часто слышится то, чего нет. Прислушался – нет, точно говорят. Не шепчут, не бормочут, как те, в тумане, а обычные человеческие голоса, переговариваются, даже смеются иногда. Я лёг на живот, свесил голову вниз, смотрю. Под мостом, на сухом островке посреди болотной жижи, сидят трое. Костерок развели, банки какие-то греют, и лица у них обычные, живые. Один молодой совсем, пацан, второй постарше, с бородой, третий – девушка, в камуфляже, коротко стриженная. Сталкеры, похоже, новички, раз костёр жгут средь бела дня, когда любой контролёр их мысли за версту считает.

Я окликнул их. Они все трое подскочили, задрали головы, стволы вскинули. Я заорал, чтоб не стреляли, свой я, с добром. Спустился к ним по опорам, чуть не сорвался на последней балке – рука соскользнула, повис на одной левой, но удержался. Спрыгнул к ним, отряхиваюсь, смотрю. Лица бледные, глаза шальные, но не пустые – живые, испуганные. Пацан вообще трясётся весь, винтовку направил и никак опустить не может. Я рывкнул на него, он и сел прямо на землю. Девушка оказалась поспокойнее, представилась Со-вой. Бородач – Ломом. А пацана звали Щеглом, он из университета, хотел артефактов набрать, диссертацию написать. Диссертацию, представляете? В Зоне.

Я спросил, как они здесь оказались, как через Кордон

прошли. Они переглянулись, и Сова рассказала. Их проводник, сталкер по кличке Хмурый, вчера вечером просто исчез. Оставил их на привале, сказал – отойду на минуту, и не вернулся. Они ждали до утра, потом решили идти сами, по его карте, которую нашли в рюкзаке. Карта старая, многие аномалии на ней не отмечены, и они забрели сюда, под мост, где их ночь застала. Утром побоялись лезть дальше, сидят, думают, что делать.

Я посмотрел на них и понял – пропадут. День-два пройдут по Зоне с такой подготовкой, и либо сожрут, либо в аномалию ступят, либо пуля догонит от тех же бандитов. Совесть заскребла. Не бросать же их тут, в самом деле. Сказал, что выведу их к свалке, там есть сталкерский схрон, где можно пересидеть, а дальше сами – или назад, или искать нового проводника. Они обрадовались, закивали, рюкзаки хватают. А Щегол этот сидит на земле и смотрит на меня странно так, изучающе. Потом спрашивает: «А вы давно здесь, сталкер?». Я говорю: «Давно». Он головой покачал и замолчал.

Пошли мы через болота. Я впереди, они гуськом за мной, стараются след в след ступать, как я велел. Места здесь гиблые – трясина, аномалии «кисель» попадают, их не видно сразу, только по лёгкому мареву над поверхностью. Пару раз останавливал их в последний момент, когда пацан уже ногу заносил прямо в жуть. Девушка держалась молодцом, видно,

не впервой ей в переделках бывать, хоть и в Зоне впервые. Лом всё время озирался, дёргался на каждый шорох, но молчал, не ныл.

К вечеру вышли к старым нефтяным вышкам. Там брошенный вагончик стоит, можно переночевать, а завтра утром – до свалки рукой подать. Развели костерок внутри, чтобы снаружи не видно было, сидим, жуём сухпай. И тут Щегол снова на меня уставился. Сидит в углу, глаза блестят в темноте, и смотрит не мигая. Мне это не понравилось, я и спросил напрямую: «Чего уставился, учёный?». А он отвечает тихо так: «Я на вас смотрю и не могу понять. У вас пульса нет. Совсем. Я же медик, я вижу. У вас сердце не бьётся».

В вагончике повисла тишина. Сова и Лом замерли, смотрят на меня, потом на Щегла. А я сижу и чувствую, как холодок по спине ползёт. И тут до меня доходит. Вспоминаю, как висел на той балке, как рука соскользнула, как я повис над пропастью на одной руке – и не упал. Вспоминаю, как шёл через болото, прямо через «кисель», даже не заметив его. Вспоминаю утро, лица в тумане, их пустые глаза. И голос тот, зовущий, который я слышал в мастерских – часть меня хотела ответить. И, кажется, ответила.

Я встал, подошёл к разбитому зеркалу, что висело на стене вагончика. Посмотрел в него. Там было пусто. Стена, ржа-

вая дверь, кусок неба в разбитом окне – и никого. Я провёл рукой по лицу – руку увидел, а отражения нет. Обернулся к сталкерам. Они сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели на меня с ужасом. А я смотрел на них и вдруг понял, что не помню, когда ел в последний раз. Не помню, когда спал по-настоящему. Не помню, когда в последний раз чувствовал холод или тепло, боль или радость.

И тут вдали, за стенами вагончика, раздался тот самый гул. Множество ног, чавкающих по грязи. И голоса, нестройный хор, зовущий, манящий. Я повернулся к двери. Сова крикнула: «Не ходи!». Но я уже не слышал. Я открыл дверь и вышел в ночь. Туман снова застилал всё вокруг, и в нём двигались силуэты. Много, очень много. Они ждали меня. Я сделал шаг, потом ещё один. И в этот момент я обернулся. Вагончик стоял позади, из его окон бил слабый свет костра, и в этом свете я увидел три фигурки, замершие на пороге. Живые. Настоящие. А я... я уже чувствовал, как таю, растворяюсь в этом тумане, становлюсь частью этого бесконечного шествия.

Последнее, что я помню – лицо Щегла, его крик: «Кто вы?». И мой собственный голос, чужой, далёкий, ответивший: «Я тот, кто ответил на зов. Я сталкер. Был им. А теперь я просто... память. Иду туда, куда все. И вы придёте. Когда-нибудь. Все придёте. Зона зовёт».

4 записка

Это было три дня назад. Или три жизни – я теперь плохо различаю время. Оно течёт здесь по-другому, вязкое, как смола, а иногда проскальзывает мгновением, которого будто и не было. Я всё ещё здесь. Не знаю, почему. Может, потому что не до конца ответил на зов, может, потому что Зона решила надо мной поиздеваться напоследок – дать ещё побыть, посмотреть, как живые живут, пока сам уже не совсем живой.

Очнулся я на Кордоне. Лежу лицом в траву, во рту земля, руки холодные, не гнутся. Поднялся – голова кружится, но стоит. Осмотрелся – мост вдалеке, блокпост военный, наши, сталкерские тропы. Жизнь. Солнце светит, птицы галдят, даже дымок от костра где-то тянет. Я обрадовался сначала, думал – привиделось всё, Щегол ошибся, мало ли что студенту померещится. Пощупал пульс – есть. Или показалось, что есть. Руку к груди прижал – сердце бьётся. Или нет? Я уже не уверен ничего.

Пошёл к стоянке, к сталкерам. Сидят трое у костра, банки греют, разговаривают. Я подхожу, здороваюсь. Они головы повернули, посмотрели сквозь меня и отвернулись. Я ещё раз поздоровался, громче. Ноль реакции. Сел к ним, руку протянул к огню – тепла не чувствую. Костерок горит, язы-

ки лижут воздух, а мне всё равно – ни жарко, ни холодно. Я заговорил с ними, рассказал про болота, про туман, про то, как новичков выводил. Один из них, пожилой, с седой в бороде, поёжился и сказал другому: «Слышь, ветер какой-то странный, будто шепчет кто. И холодом тянет, хотя солнце вроде». И они встали и ушли. Собрали банки, рюкзаки и ушли, даже не оглянувшись.

Я остался у костра один. Сидел, смотрел на огонь, и до меня медленно, тяжело доходило. Меня нет. Для них меня нет. Я звук ветра, я холодный сквозняк, я тень, которая мелькнула и пропала. Вскочил, побежал к воде, к луже у дороги, наклонился. Вода мутная, но в ней я увидел небо, облака, траву на том берегу и – никого. Пустота. Ровная гладь, в которой я должен был отразиться, была чиста, будто надо мной никто не наклонялся.

Я сел прямо в грязь и засмеялся. Наверное, со стороны это было страшно – смех без тела, звук над пустой лужей. Но мне было не до страха. Мне было обидно. Понимаете? Я столько лет здесь, столько раз смерть за плечом стояла, столько хабара добыл, столько друзей потерял – и вот итог. Я даже не труп. Я хуже. Я то, что остаётся, когда уходит всё, кроме памяти. Меня нет, но я помню. Я есть, но меня не видят.

Сколько я так просидел, не знаю. Очнулся от того, что мимо кто-то прошёл. Поднял голову – сталкер идёт, молодой, лет двадцати пяти, с «калашом» наперевес, идёт быстро, оглядывается. Я окликнул его – бесполезно, знаю уже. Но он вдруг остановился. Повернул голову в мою сторону, прислушался. Я замер. Он смотрел прямо на меня. Не сквозь – на меня. Сделал шаг, ещё один. Остановился в двух метрах и спросил тихо: «Ты кто?». У меня голос сорвался, я ответил: «Ты меня видишь?». Он кивнул. Я спросил: «Как тебя зовут?». Он сказал: «Сталкером кличут. Просто Сталкер. А ты?».

Я назвался. Он головой покачал, сказал, что слышал обо мне. Что я легенда, что меня давно нет, что меня поминают добрым словом у костров и ставят в пример новичкам. И что он, когда был пацаном, мечтал стать таким, как я. Я рассмеялся, горько так, и сказал: «Не мечтай, парень. Видишь, чем кончаются легенды? Сидят в грязи у лужи, и живые сквозь них смотрят». А он ответил: «Я тебя вижу. Значит, не все сквозь смотрят». И сел рядом. Со мной. Живой, тёплый, с дыханием и пульсом, сел в грязь рядом с тем, кого нет, и закурил. Протянул мне пачку – я взял, и пальцы почувствовали шероховатую бумагу. Зажигалку дал – я прикурил, и дым пошёл в лёгкие, и я почувствовал его вкус, горький, терпкий, настоящий. Я затаился и заплакал. Впервые за столько лет. Сидел и плакал, как ребёнок, а Сталкер молча курил рядом

и смотрел на закат.

Мы проговорили всю ночь. Я рассказывал ему про Зону, какой она была раньше, когда только появилась. Про первых мутантов, про первые аномалии, про то, как люди учились здесь выживать. Про друзей, которых уже нет. Про ту девушку, что осталась на Большой Земле и так и не дождалась. Про то, как я впервые увидел Монолит и понял, что отсюда не уйду никогда. А он слушал и кивал, и глаза у него были такие, будто он всё это сам пережил. Под утро он спросил: «Чего ты хочешь? Чего тебе надо, чтобы уйти?». Я задумался и понял, что не знаю. Я не знал, что меня держит. Месть? Некого мстить. Любовь? Все умерли. Дело? Я своё сделал. Тогда он сказал: «Значит, не хочешь уходить. Просто боишься признаться, что тебе здесь нравится. Даже так – нравится».

Я хотел возразить, но осекся. А ведь правда. Нравится. Эта вечная грань между жизнью и смертью, этот адреналин, когда идешь по краю, эти люди, которые становятся ближе родных за одну ночь, проведенную в засаде под огнём. Зона – это болезнь. И я ею переболел так сильно, что даже смерть не стала лекарством.

Утром Сталкер ушёл. Сказал, что ему пора, что его ждут, и что если я захочу, то могу идти с ним. Я спросил: «А другие увидят?». Он покачал головой: «Другие – нет. Но ты же

не для других жить собрался, верно? Ты для себя. А я тебя вижу. И этого достаточно, чтобы начать сначала». И он пошёл. Я смотрел ему вслед и вдруг понял, что встаю и иду за ним. Ноги сами несут. Солнце поднималось над Кордоном, птицы орали как ненормальные, и я – тот, кого нет – шёл за живым человеком, чтобы снова научиться быть.

Сейчас мы сидим в убежище, на старой ферме. Сталкер спит, укрывшись плащом, а я смотрю, как он дышит, как вздымается грудь, и вспоминаю, каково это – спать. Каково это – чувствовать усталость, голод, тепло. Я написал эту историю, чтобы хоть кто-то её прочитал. Чтобы знали: Зона не отпускает. Даже когда ты уже мёртв, она держит тебя, как держит аномалия случайно залетевшую птицу – не убивает, не выпускает, просто оставляет висеть в воздухе, вечно, между небом и землёй. Если вы это читаете, и если вы в Зоне – помните. Не отвечайте на зов. Не слушайте голоса в тумане. И когда придёт время уходить – уходите сразу. Не оглядывайтесь. Иначе станете как я. Вечным свидетелем чужой жизни, тенью на привале, голосом в пустоте. Сталкером, который есть, но которого нет.

5 записка

После той ночи на ферме я какое-то время держался рядом со Сталкером. Он стал для меня якорем, единственной ниточкой, связывающей с миром живых. Поначалу я боялся

отойти дальше чем на десяток метров – думал, растворюсь, исчезну, кану в ту небыль, откуда вышел. Но постепенно, день за днём, я учился быть тенью. Двигался бесшумно, прятался в складках местности, помогал ему – предупреждал о засадах, выводил на хабари, отводил от аномалий. Он никогда не благодарил вслух, но я видел, как он иногда останавливается, прислушивается и кивает куда-то в пустоту. Этого было достаточно.

Всё изменилось позавчера. Или вчера. Или сто лет назад – я уже говорил, что время здесь сходит с ума.

Мы шли через Рыжий лес. Место там гиблое даже по меркам Зоны – деревья стоят голые, обугленные, земля под ногами хрустит, будто из костей состоит, и над всем этим висит вечный, рыжий, как ржавчина, туман. Аномалий там почти нет, но есть что-то похуже – тишина. Такая плотная, что уши закладывает, и кажется, что ты оглох навеки. Мы шли уже несколько часов, Сталкер молчал, я парил сзади, и вдруг он остановился как вкопанный. Я подлетел ближе, смотрю – стоишь на краю огромной воронки, которой здесь вчера не было. Или была. Или будет завтра. Воронка уходила вглубь метров на пятьдесят, края оплавлены, будто туда ударила молния невероятной силы, и на дне, в самом центре, что-то блестяло.

Сталкер спросил: «Видишь?». Я кивнул, хотя он не мог меня видеть. Потом полез вниз. Я за ним. Спускались долго, стены сыпались, ноги скользили по спекшейся глине, и чем глубже мы уходили, тем сильнее меня тянуло туда, вниз, будто сама Зона толкала в спину. На дне лежал предмет. Не артефакт, нет – я таких не видел никогда. Это был шар. Чёрный, абсолютно чёрный, такого цвета, который не отражает свет, а поглощает его, пьёт, как воду в пустыне. Он был размером с человеческую голову и висел в воздухе в полуметре от земли, медленно вращаясь вокруг своей оси. И пока он вращался, я видел в его глубине звёзды. Настоящие звёзды, галактики, туманности – целая вселенная, спрессованная в этот чёрный провал.

Сталкер протянул руку. Я закричал: «Не трогай!» – но поздно. Пальцы коснулись поверхности, и мир взорвался.

Я не знаю, как описать то, что случилось дальше. Времени не стало. Пространства не стало. Осталось только ощущение полёта через бесконечность, через миллиарды лет, через рождение и смерть звёзд. Я видел, как возникают галактики, как они сталкиваются, сливаются, умирают. Я видел чёрные дыры, пожирающие целые миры. Я видел планеты, на которых зарождалась жизнь, и планеты, где жизнь угасала. И среди всего этого я видел Зону. Но не ту, которую знаю. Я видел её рождение – удар, вспышку, разрыв ткани реальности. Я

видел, как сюда, в наш мир, хлынуло что-то извне, из-за пределов, что-то чужое, древнее, голодное. И это что-то смотрело на меня. Сквозь время, сквозь пространство, сквозь саму смерть. У него не было лица, не было формы, но я знал – оно видит меня. И оно довольно.

Очнулся я на краю воронки. Лежу на спине, смотрю в небо, а небо надо мной чужое. Звёзды расположены неправильно, луна висит зелёная, огромная, и два солнца встают над горизонтом – одно красное, другое синее. Я сел, огляделся. Рыжий лес на месте, воронка на месте, но всё вокруг – другое. Воздух пахнет озоном и ещё чем-то сладким, приторным, от чего кружится голова. Рядом со мной сидит Сталкер. Живой, целый, смотрит на меня и улыбается.

Я говорю: «Где мы?». А он отвечает: «Не мы. Ты. Ты где? А я – здесь». И я понял, что он меня видит. Не сквозь, не как тень – видит. Смотрю на свои руки – они плотные, настоящие, с грязью под ногтями. Щупаю пульс – есть. Бьётся, как бешеный. Я жив. Снова жив. Или не снова? Я спросил Сталкера, что случилось. Он пожал плечами и сказал: «Ты коснулся шара. И шар ответил. Ты хотел вернуться к жизни?». Я кивнул. Он сказал: «Ну, будь осторожен в желаниях. Зона исполняет их буквально».

Мы поднялись и пошли. Сначала я думал, что мы в той же

Зоне, просто ночь и звёзды какие-то странные. Но чем дальше мы шли, тем сильнее я понимал – это не моя Зона. Моя была мрачной, грязной, опасной. Эта была... красивой. Деревья здесь светились мягким голубым светом, трава переливалась всеми цветами радуги, аномалии танцевали в воздухе, как северное сияние, и не было ни одной твари. Вообще ни одной. Ни слепых псов, ни кровососов, ни контролёров. Только тишина и этот сладкий, дурманящий запах.

Сталкер шёл впереди, уверенно, будто знал дорогу. Я спросил, куда мы идём. Он обернулся и сказал: «К ней. К той, кто создала Зону. Ты же хотел ответов? Так получишь. Все ответы, какие есть. И вопросы тоже».

Мы вышли к центру. Я узнал это место – здесь должен быть Монолит. Но вместо него стоял... цветок. Огромный, выше человеческого роста, с лепестками, сотканными из света. Он пульсировал, дышал, и от него исходило тепло, как от живого существа. Сталкер остановился в двух шагах, поклонился и сказал: «Привёл. Он готов». И цветок раскрылся.

Внутри сидела девушка. Молодая, красивая, с длинными чёрными волосами и глазами, в которых горели звёзды. Она посмотрела на меня и улыбнулась. И в этой улыбке было всё – рождение и смерть, радость и боль, начало и конец. Она заговорила, и голос её звучал у меня в голове, прямо в мыс-

лях: «Ты искал меня. Все вы ищете. Думаете, Зона – это катастрофа, ошибка, проклятие. А я просто... сад. Я сажаю семена в разных мирах и смотрю, что вырастет. Вы – мои цветы. Самые интересные. Самые живые. Самые безумные. Вы умираете и воскресаете, любите и ненавидите, надеетесь и отчаиваетесь. И это прекрасно. Это лучшее, что я видела за миллиарды лет».

Я стоял и смотрел на неё, и не мог вымолвить ни слова. А она продолжала: «Ты умер, но не ушёл. Ты ответил на зов, но не подчинился. Ты привёл сюда живого, но сам остался собой. Ты особенный. Хочешь остаться здесь? В моём саду, в моей Зоне, где нет смерти и боли?». Я обернулся к Сталкеру. Он стоял, опустив голову, и ждал. Я спросил: «А он? Что с ним будет?». Девушка засмеялась, и от её смеха звезды на небе замигали: «Он? Он часть тебя. Твоя совесть, твоя память, твоя тоска по жизни. Ты создал его сам, когда поверил, что тебя видят. Он не настоящий. Он – твоё отражение».

Я смотрел на Сталкера, и он медленно таял на глазах. Становился прозрачным, растворялся в воздухе, и последнее, что я увидел – его улыбку. Спокойную, благодарную. А потом его не стало. И я остался один перед этим существом, перед этой богиней, перед тем, что создало Зону. Она ждала ответа. А я стоял и думал: что я такое? Кто я? Живой или мёртвый? Человек или тень?

Я вспомнил всё. Каждую смерть, каждую потерю, каждый миг счастья в этом аду. Вспомнил друзей, которых проводил в последний путь. Вспомнил ту девушку на Большой Земле. Вспомнил, как впервые вошёл в Зону – молодым, глупым, полным надежд. И понял: я не хочу уходить. Не хочу в рай, где нет боли. Потому что боль – это часть жизни. Страх – это часть жизни. Смерть – это тоже часть жизни. А без них мы просто... цветы в саду. Красивые, но мёртвые.

Я посмотрел в глаза богине и сказал: «Отпусти меня обратно. В мою Зону. В грязь, в кровь, в смерть. Там моё место. Там я нужен. Тем, кто ещё жив. Тем, кто ещё боится. Тем, кто ещё надеется». Она долго смотрела на меня, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Потом кивнула: «Ты свободен. Иди. Но знай: ты всегда можешь вернуться. Дверь открыта для тех, кто нашёл в себе силы отказаться».

Я открыл глаза и лежал лицом в траву на Кордоне. Солнце вставало, птицы орали, и моя рука сжимала горсть земли. Я приподнялся, посмотрел на ладонь – земля как земля, чёрная, жирная, пахнет прелью и жизнью. И вдруг рядом кто-то кашлянул. Я обернулся. Рядом стоял пацан, молодой совсем, с «калашом» наперевес, и смотрел на меня во все глаза. Спросил: «Ты кто?». Я усмехнулся и ответил: «Сталкер. Бывалый. А ты?». Он представился. И мы пошли вместе. Пото-

му что Зона – это место, где даже после смерти есть работа. Особенно после смерти.

Теперь я снова живой. Или не совсем. Иногда по ночам я слышу тот зов, вижу ту девушку с глазами-звёздами, чувствую сладкий запах её сада. Но я не отвечаю. Я здесь, в грязи, в крови, в смертельном риске, и это – моя жизнь. Единственная, какая у меня есть. И если вы это читаете – берегите свою. Даже если она кажется вам адом. Потому что ад – это когда ничего не чувствуешь. А Зона... Зона чувствовать заставляет. До самого дна. До последнего вздоха. До самой смерти. И после неё.

6 записка

После того, что случилось с той девушкой-цветком и всей этой космической чертовщиной, мне захотелось чего-то простого и человеческого. Ну, насколько это вообще возможно в Зоне. Решил забить на походы к центру, на артефакты и прочую героiku – хватит с меня приключений на одно по-смертие. Подался на Свалку, к своим. Там всегда есть дело, всегда найдётся компания и, главное, всегда можно выпить и забыться. Хотя забываться мне теперь трудновато – память после той воронки работает как проклятая, помню даже то, чего не было.

Прихожу на базу, а там переполох. Сидоровна, наша мест-

ная торговка, бегает вокруг своего ларька и машет руками, как мельница. Рядом толпа сталкеров ржёт, аж за животы держатся. Я подхожу, спрашиваю у Шустрого, что за цирк. А он, утирая слёзы, рассказывает. Представляете, к Сидоровне приперся «сталкер»... вернее, сталкерша. Девка лет двадцати, в новеньком камуфляже, с начищенным «калашом», и давай торговаться. Сидоровна ей цену за артефакт называет, а та глазами хлоп-хлоп и говорит: «А можно я вам не артефакт, а рецепт предложу? Я из дома принесла, мама готовила. Очень вкусно, пальчики оближешь». Сидоровна аж поперхнулась. Сталкеры, кто это слышал, попадали. А девка, представьте, обиделась. Говорит, вы тут все с ума посходили со своей Зоной, нормальной еды не видели. И давай из рюкзака банки доставать. Соленья, варенья, компоты. Серьёзно. Компоты в трёхлитровых банках. В Зону притащить трёхлитровые банки – это ж надо додуматься.

Я подошёл поближе, смотрю. Девчонка симпатичная, глаза горят, щёки румяные – откуда только румянец в Зоне? – и на всех смотрит как на врагов народа. Сидоровна от смеха уже икнула раз двадцатый, а девка ей банку с огурцами суёт: «Вы попробуйте сначала, потом будете смеяться! Я сама солила, по бабушкиному рецепту!». Тут уже я не выдержал, спрашиваю: «Ты как сюда попала, красавица? Экскурсию заказала или по ошибке зашла?». Она на меня зыркнула, подбоченилась и выдаёт: «Я сталакер! Я артефакты ищу! А вы

тут все... некультурные!».

Народ уже по стенкам ползёт. Кто-то икнул, кто-то всхлипнул, кто-то сполз на пол и дёргается в конвульсиях. А она стоит, румяная, как наливное яблочко, и банку с огурцами к груди прижимает, будто я у неё сейчас ребёнка отниму. Я спрашиваю: «И много артефактов нашла?». Она гордо так: «Целых два!» – и выкладывает на прилавок. Глазам своим не верю. «Пустышка» и «капля». Самые простые, самые дешёвые. Их даже новички за хабар не считают, выбрасывают обычно. А она их на чистую тряпочку положила и смотрит на Сидоровну с таким видом, будто ей сейчас миллион должны. Сидоровна уже говорить не может, только рукой машет и икает.

Тут Лось, здоровый детина, который обычно молчит как рыба, подаёт голос: «А ну-ка, дай огурец попробовать». Девка встрепенулась, открыла банку – и по Свалке поплыл такой запах, что у меня, у покойника, слюни потекли. Настоящий, домашний, с укропом и чесноком. Лось взял огурец, хрустнул, зажмурился и говорит: «Продай». Девка аж подпрыгнула: «За артефакты!». Лось выложил на прилавок три «пустышки» и «каплю». Девка глаза вытаращила, собрала всё в рюкзак и вручила Лосю банку. А Лось, довольный, отошёл в сторону и давай хрумкать. Остальные сталкеры сгрудились вокруг, смотрят на банку, как голодные псы, и облизывают-

ся. Я смотрю на это и думаю: «Господи, куда катится Зона?».

Через час у Сидоровны была самая оживлённая торговля за последние пять лет. Девка, которую все уже звали Компотовой, продавала свои припасы. Банка огурцов шла за три «пустышки». Банка помидоров – за две «кровь камня». А за банку вишнёвого компота Лысый, местный авторитет, отдал редкий артефакт «золотую рыбку», который полгода назад нёс из самого центра. Компотовна сидела на ящике, считала выручку и светилась как начищенный самовар. Я подсел к ней, спрашиваю: «Слушай, а зачем ты вообще в Зону припёрлась?». Она на меня посмотрела серьёзно так и говорит: «Я на проводника училась. Думала, буду группы водить, экскурсии. А там теория, карты, лекции – скукотища. А тут бабушка рецепт передала, я и подумала: а почему бы не совместить? В Зоне всегда еда нужна, а нормальной нет. Я ж походила тут немного, посмотрела, чем вы питаетесь – тушняк, сухпай, концентраты. Это ж нельзя так, организм портится. А мои огурчики – натуральные, витаминные. И артефакты ваши... они ж непонятно из чего. А огурец – он огурец и есть. Надёжный».

Я сидел, слушал её и чувствовал, как мир переворачивается. Сто лет в Зоне, видел всякое – мутантов, аномалии, выбросы, смерть, воскрешение, богов инопланетных. Но что-бы сталкеры дрались за банку солёных огурцов – это новое

слово в сталкерской практике. Компотовна тем временем собрала хабар, закинула рюкзак на плечи и говорит: «Ладно, пойду я. Надо ещё варенья принести. У вас тут с десертами совсем беда». И ушла. В неизвестном направлении. А сталкеры долго смотрели ей вслед, и в глазах у многих читалось: «Вот это настоящий сталкер. Не то что мы».

Наутро про неё ходили легенды. Кто-то клялся, что видел, как она кормила слепого пса варениками. Кто-то рассказывал, что она предлагала кровососу борщ, и тот, по слухам, даже попробовал и ушёл довольный. А Сидоровна, придя в себя, первым делом прикупила у залётных торговцев партию стеклянных банок и теперь смотрит на всех с подозрением, бормоча что-то про рыночную экономику и нечестную конкуренцию. Я сижу на бочке, курю и думаю: может, и правда она – новое оружие против Зоны? Артефакты, мутанты, аномалии – это всё фигня. А вот солёный огурец, он и в Зоне огурец. И душа после него теплеет. И Зона отступает, потому что где пахнет укропом, там смерть как-то не приживается.

Сегодня снова пошёл на Свалку. Думал, может, Компотовна вернулась. Нет, не вернулась. Зато нашёл на пороге Сидоровниного ларька банку с этикеткой: «Для самого вежливого сталкера. Спасибо, что не смеялись». И подпись: «Компотовна». В банке – вишнёвое варенье. Сидоровна, увидев меня с банкой, аж подскочила: «Продай!». Я по-

смотрел на неё, на сталкеров, которые уже стягивались как мухи на мёд, и говорю: «Варенье не продаётся. Оно для души». Открыл, макнул палец, попробовал. И знаете... я вдруг вспомнил детство. Лето, бабушкин сад, вишни, которые мы рвали прямо с дерева и ели, перемазывая лица соком. И стало тепло. Не от солнца – от воспоминания. Зона отступила, стёрлась на миг, осталась только эта сладость на языке и покой в сердце. Может, и правда, не артефактами едиными жив сталкер. Может, и правда, бабушкины рецепты – лучшее лекарство от всего этого безумия.

Компотовна, если ты это читаешь – возвращайся. Тут без тебя скучно, и огурцы у Сидоровны резиновые. А я, если что, свою банку варенья ни за какие артефакты не отдам. Она теперь моя. Моя маленькая, сладкая, человеческая победа над Зоной.

7 записка

После той истории с Компотовной и её вареньем я долго ходил сам не свой. Не потому что случилось что-то страшное – наоборот, слишком уж тёплым, слишком человеческим было то прикосновение к нормальной жизни. А в Зоне, как известно, нормальное – оно и есть самое подозрительное. Когда начинаешь чувствовать себя человеком, а не зверем, не тенью, не функцией по выживанию – жди беды. Зона такого не прощает. Она ревнивая, как баба, у которой мужик

загулял. Чуть расслабишься – и всё, пиши пропало.

Я сидел на Кордоне, у догорающего костра, и смотрел, как последние угли тлеют, переливаясь алым. Глаза слипались, но спать не хотелось. Вернее, хотелось, но я боялся. После того путешествия в «сад» сны у меня стали странными. Я перестал видеть кошмары – это была бы норма, к ней мы все привыкли. Я стал видеть... правду. Слишком ясную, слишком отчётливую, такую, от которой хочется выть и биться головой о стену. В этих снах я был собой, но собой настоящим. Без масок, без брони, без той корки цинизма, которой мы все здесь обрастаем как ракушками. Я чувствовал всё, что когда-либо чувствовал, и помнил всё, что когда-либо забыл. И просыпался с таким ощущением, будто с меня содрали кожу.

Ко мне подсел Лось. Тот самый, что огурцы у Компотовны купил. Он вообще мужик молчаливый, философствовать не любит, но в тот вечер его прорвало. Видно, тоже что-то на душе накопилось. Посидели, помолчали. Потом он достал флягу, плеснул мне в кружку и говорит: «Слышь, сталкер. Ты ж вроде как того... умер и вернулся. Скажи, есть там что-нибудь? Ну, после смерти?». Я усмехнулся, глотнул обжигающей жидкости и задумался. Вопрос простой, а ответа у меня не было. Я ведь и сам не понял, что со мной случилось. Был – не было. Жил – не жил. Вернулся – не вернулся. В Зоне вообще с этим сложно – границы между жизнью и смер-

тью здесь такие зыбкие, что иной раз идёшь по тропе и не знаешь, по эту ты сторону или уже по ту.

Я ему и говорю: «Понимаешь, Лось, там нет ничего такого, чего бы мы здесь не знали. Те же страхи, те же мысли, только без тела. А без тела страшно по-другому. Здесь страшно, когда больно, когда холодно, когда пуля в живот прилетает. А там страшно, когда пусто. Когда ты есть, а зацепиться не за что. Ни за костёр, ни за водку, ни за бабу, ни за врага. Просто ты и твои мысли. И мысли эти, они как аномалии – жгут почище любой "жгучей проволоки"». Лось помолчал, покрутил в руках кружку и спросил: «А смысл? Ну, всего этого? Зачем мы здесь? Зачем всё это?».

И тут я понял, что он прав. Мы никогда не задаём себе этого вопроса. Слишком заняты выживанием. Слишком заняты добычей хабарра, поиском жратвы, войной с бандитами и мутантами. А если остановиться хоть на минуту и спросить себя: «Зачем я здесь? Ради чего я встаю каждое утро и лезу в самое пекло?» – ответа нет. Или есть, но такой, что лучше б его не было.

Я рассказал Лосю одну историю. Про молодого сталкера, которого встретил лет пять назад. Звали его Клещ. Пацан совсем, лет двадцати, пришёл в Зону за славой и деньгами. Глаза горят, энтузиазма через край, все ему Расскажи, пока-

жи, научи. Я тогда ещё живой был, по-настоящему живой, и взял его с собой в рейд. Думал, походит месяц-другой, либо сгинет, либо поумнеет. А он выжил. И поумнел. Да так, что я сам удивился. Через год он уже ходил в одиночку в самые гиблые места и возвращался с хабаром, какой мне и не снился. Я спрашивал: «Как ты это делаешь?». А он пожимал плечами и говорил: «Я Зону не врагом считаю. Я её... понимаю. Она живая. С ней можно договориться, если не врать и не пытаться обмануть. Она обман не прощает. А правду – принимает».

Я тогда не понял, что он имел в виду. Решил, пацан перемудрил, крыша поехала от постоянного напряжения. А потом Клещ исчез. Просто не вернулся из одного похода. Мы искали, ходили по следам, но ничего не нашли. Ни тела, ни вещей, ни оружия. Будто Зона его проглотила и не подавилась. Я долго горевал, а потом забыл. Как забывают всех, кто уходит туда, откуда не возвращаются.

И вот недавно, когда я был там, в «саду», я увидел Клеща. Он сидел на поляне среди светящихся цветов и улыбался. Я подошёл, спросил: «Ты как здесь? Ты что, умер?». А он засмеялся и говорит: «Нет, сталкер. Я не умер. Я нашёл то, что искал. Помнишь, я тебе говорил про понимание? Так вот, я понял. Зона – это не место. Это состояние. Это способ видеть мир без иллюзий. Здесь, снаружи, люди живут во сне. Дума-

ют, что они живут, а на самом деле спят. Спят и видят сны про деньги, про любовь, про счастье. А Зона будит. Больно, жестоко, но будит. И ты начинаешь видеть реальность такой, какая она есть. Пустую, страшную, но настоящую. И в этой пустоте ты вдруг находишь себя. Настоящего. Без масок, без вранья, без надежд. Просто себя. И это – самое страшное и самое прекрасное, что может быть».

Я слушал его и не понимал. А сейчас, сидя у костра с Лосем, кажется, начинаю понимать. Зона – это зеркало. Самое честное зеркало в мире. Она не показывает тебе своё лицо – она показывает твою душу. И если у тебя внутри гниль, ты увидишь гниль. Если пустота – увидишь пустоту. Если страх – Зона будет пугать тебя до потери пульса, пока ты не перестанешь бояться. А если любовь... ну, любовь здесь тоже есть. Только она другая. Не та, сладкая и приторная, а горькая, как полынь, и сильная, как смерть.

Лось дослушал, кивнул и сказал: «Значит, всё, что мы здесь переживаем – это не случайность? Мы сами это выбираем?». Я пожал плечами: «Не знаю. Может, выбираем. А может, нас выбирают. Есть вещи, которые не понять умом. Их можно только прочувствовать. До костей, до дрожи, до крика. И когда прочувствуешь – либо сойдёшь с ума, либо станешь свободным. Третьего не дано».

Он встал, бросил окурок в костёр и ушёл в темноту. А я остался. Сидел и смотрел, как искры улетають в небо, сливаясь со звёздами. И думал о том, что мы все здесь – и сталкеры, и бандиты, и военные, и учёные – мы все ищем одно и то же. Только называем по-разному. Кто-то ищет артефакты, кто-то – приключения, кто-то – смерть, кто-то – себя. А Зона смотрит на нас и ждёт. Она терпеливая. Она может ждать вечность. Потому что для неё мы – как муравьи, ползающие по ладони. Иногда смешные, иногда жалкие, но всегда – живые. А жизнь для неё – это самое ценное, что есть. Даже такая искалеченная, переломанная, вывернутая наизнанку, как наша.

Под утро я уснул прямо у костра. И впервые за долгое время мне ничего не снилось. Просто темнота, тишина и покой. Наверное, это и есть счастье. Когда внутри так пусто и тихо, что даже Зона не может туда залезть. Проснулся от холода – костёр давно погас, солнце ещё не встало, и роса вымочила меня до нитки. Лежу, смотрю в серое небо и чувствую, как по щеке течёт капля. То ли роса, то ли слеза. Теперь уже не разобрать. В Зоне всё смешалось – дождь и кровь, слёзы и вода, жизнь и смерть. И только одно остаётся чистым – выбор. Каждую секунду, каждую минуту мы выбираем. Идти или стоять, стрелять или миловать, верить или сомневаться. И от этих маленьких выборов зависит всё. Даже то, кем мы станем после смерти.

Я поднялся, отряхнулся и пошёл к Сидоровне. Спросить, не появлялась ли Компотовна с новыми огурцами. Потому что философия философией, а жрать хочется всегда. Даже мёртвым.

8 записка

Сидоровна встретила меня хмурым взглядом и подозрительным прищуром. Я сразу понял: что-то случилось. Она не предложила чаю, не начала привычно торговаться, а просто ткнула пальцем в сторону своего ларька и сказала: "Там тебя ждут. Сказали, сталкер старый, с того света вернувшийся. Ты, что ли?".

Я заглянул за прилавок. На ящике из-под патронов сидел мужик. Лет пятидесяти, в хорошем снаряжении, с "валом" за спиной, но лицо... лицо было нездешнее. Не в смысле "из другой Зоны", а в смысле – с Большой Земли. Такие лица бывают у людей, которые никогда не смотрели в глаза кровососу, не бежали от выброса, не хоронили друзей в воронках от аномалий. Чистое, гладкое, с правильными морщинами – от возраста, а не от жизни. Он поднялся при моём появлении, протянул руку и представился: "Профессор. Можно просто Профессор. Я из Москвы, Академия наук. Ищу одного человека. Вернее, сталкера. Вернее... легенду".

Я руку пожал – ладонь тёплая, мягкая, не мозолистая. Учёный, сразу видно. Сел напротив, достал папиросу, закурил. Спрашиваю: "И кто же этот счастливчик?". Профессор посмотрел на меня внимательно, будто сканировал, и говорит: "Вы. Точнее, не вы, а тот, кем вы были до... до того, что с вами случилось. Мы в институте разработали теорию. Теорию природы Зоны. И мне нужен проводник. Проводник, который сможет отвести меня в самое сердце. К Монолиту. Или к тому, что сейчас на его месте".

Я чуть не поперхнулся дымом. Опять к центру? Опять к той девушке с глазами-звёздами? Да я только оттуда выбрался, еле ноги унёс – в переносном смысле, потому что ног у меня тогда почти и не было. Посмотрел на него, как на безумца, и говорю: "Ты хоть понимаешь, профессор, что туда никто не ходит? Что оттуда не возвращаются? Что там сейчас такое, от чего у нормальных людей крыша едет быстрее, чем от контролёра?". Он кивнул спокойно: "Понимаю. Именно поэтому я здесь. Именно поэтому мне нужны вы. Вы были там. Вы вернулись. Вы – уникальный случай. Единственный известный науке пример полного возвращения после... после того, как человек перестал быть человеком в обычном смысле этого слова".

Я затаился, выпустил дым в потолок и задумался. С одной стороны – дурак дураком, лезет туда, куда и опытные

сталкеры боятся соваться. С другой стороны – учёный, значит, не просто так припёрся. У этих всегда есть план, техника, научное обоснование. И если они решили сунуться в самое пекло, значит, есть причина. Спрашиваю: "И что вы хотите там найти? Правду? Смысл жизни? Ответ на главный вопрос?". Профессор улыбнулся, и улыбка у него была грустная: "Я хочу понять, профессор. Просто понять. Почему Зона появилась? Что она такое? Мутация реальности, прорыв из другого измерения, биологическое оружие, божественный промысел? Я всю жизнь посвятил науке, сталкер. Всю жизнь искал ответы. И теперь, когда ответы, возможно, рядом, я не могу не пойти. Даже если это будет стоить мне жизни".

Я смотрел на него и видел – не врёт. И не безумен. Просто человек, который дошёл до края и хочет заглянуть за него. Таких я уважаю. Даже если они наивные и непрактичные. Потому что за этим краем иногда открывается такое, что всю жизнь потом снится. И не факт, что в кошмарах.

Согласился я. Сам не знаю, зачем. Может, потому что Лось своими вопросами задел что-то глубоко внутри. Может, потому что после той встречи в "саду" осталось чувство недосказанности. А может, просто надоело сидеть на Свалке и слушать байки про Компотовну. В общем, собрались мы на следующий же день. Профессор навьючил на себя аппаратуры – мама не горюй. Датчики, сканеры, какие-то коро-

бочки с мигающими огоньками, ноутбук в водонепроницаемом кейсе. Я посмотрел на это богатство и говорю: "Вы хотя бы половину оставьте. Мы не на прогулку идём, там по болотам ползать, по аномалиям прыгать". Он упёрся: "Это необходимо для исследований. Каждый прибор важен". Спорить с учёным – себя не уважать. Взял, сколько влезло, остальное оставил Сидоровне на хранение, и двинули.

Первые два дня прошли на удивление спокойно. Профессор оказался мужиком кремень – не ныл, не отставал, делал всё, что я говорил. Аномалии обходили, мутантов встречали редко – видно, чуяли, что со мной лучше не связываться, или Профессорова аппаратура отпугивала. На ночёвках он включал свои приборы, что-то записывал, бормотал под нос формулы, а я сидел у костра и вспоминал, как раньше ходил этими тропами живым. До всего этого. До смерти, до воскрешения, до встречи с той, кто создала Зону.

На третью ночь случилось то, чего я боялся больше всего. Профессор сидел у костра, возился с ноутбуком, и вдруг замер. Сидит, не шевелится, смотрит в одну точку. Я окликнул его – не реагирует. Подошёл, тронул за плечо – дёрнулся, посмотрел на меня чужими глазами и говорит: "Она здесь. Я слышу её. Она говорит со мной". У меня внутри всё похолодело. Я знал этот взгляд. Так смотрят те, кто ответил на зов. Те, кто идёт в тумане. Я схватил его за грудки, встряхнул,

заорал: "Не слушай! Это она, она заманивает! Очнись!". А он улыбается блаженно и шепчет: "Какая красивая... Какая мудрая... Она всё знает, сталкер. Всё-всё. И про меня, и про тебя, и про Зону. Она ждёт. Нам надо идти. Скорее".

Я влепил ему пощёчину. Потом ещё одну. Он моргнул, потряс головой, посмотрел на меня уже нормально: "Что... что случилось? Я... я видел сон? Станный такой... девушка в цветке...". Я выдохнул, отпустил его и сел на землю. Руки тряслись. Объяснил ему, что это было. Про зов, про туман, про тех, кто ушёл и не вернулся. Он выслушал внимательно, потом достал блокнот и начал записывать. Я смотрел на это и думал: "Господи, зачем я согласился? Ведь это же учёный, для него всё – эксперимент. Даже собственная жизнь".

Утром он проснулся с новым знанием. Сказал, что понял, как работает зов. Что это не магия, не мистика, а поле, особое поле, которое излучает центр Зоны. Что оно воздействует на определённые участки мозга, отвечающие за веру, надежду, страх. Что это можно измерить, заэкранировать, защититься. И показал мне свой новый прибор – шапочку с проводами, которую он сплёл из каких-то артефактов и фольги. Я посмотрел на это чудо техники и говорю: "И вы серьёзно думаете, что это поможет?". Он кивнул: "Это не просто фольга. Это сплав металлов, обработанных в аномалиях. Я экспериментировал. Это нейтрализует поле. По крайней

мере, на теоретическом уровне". Надел шапочку на голову, посмотрел на меня победоносно. И в этот момент из кустов вышел кровосос.

Огромный, под два с половиной метра, с щупальцами вместо лица, весь переливающийся на свету. Вышел и замер, глядя на нас. Я медленно, не делая резких движений, потянулся к "калашу". Профессор замер, только глаза расширились. Кровосос сделал шаг, ещё один. Принюхался. И вдруг развернулся и ушёл обратно в кусты. Просто развернулся и ушёл, даже не оглянувшись. Мы стояли, не дыша, минут пять. Потом я выдохнул и посмотрел на Профессора. Он снял шапочку, повертел в руках и сказал: "Интересно... Очень интересно. Похоже, поле воздействует не только на людей. На мутантов тоже. И моя шапочка... она не только нейтрализует, она ещё и... маскирует. Делает нас невидимыми для этого поля. А мутанты ориентируются на него, как на маяк".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.